

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ ДЕКАБРИСТОВ

Валерий Павлов

В статье анализируются программные документы Северного и Южного обществ декабристов – структурно организованных форм протестного движения в Российской империи первой четверти XIX в.: «Конституция» Н. Муравьева – документ, претендовавший на статус программы Северного общества и многократно обсуждавшийся членами общества, но официально так и не ставший таковой, и принятая Южным обществом в качестве его программы «Русская Правда» П. Пестеля. Отмечается, что оба текста близки друг к другу прежде всего их базовыми положениями, указывающими на необходимость отмены крепостного права в стране и изменения формы политической власти. В то же время, программные документы Северного и Южного обществ существенно различаются: это касается как формальных характеристик (их объема, способов аргументации и т.д.), так и содержательных (декларируемых целей и провозглашаемых путей их достижения, акцентировании внимания на конкретных вопросах и проблемах, предлагаемых выводах и др.). Рассматривается широкий спектр идей социально-философского характера, представленных в исследуемых документах: понимание общества как целостного организма; своеобразие истолкования существа гражданского общества и гражданства; выявление причин возникновения и существования власти и государства; анализ социальной и этнической структур российского общества и возможных путей их преобразования; понимание важности свободы и социального равенства для прогрессивного развития социума; вопрос о статусе религии и церкви и др.

Ключевые слова: декабристы, Северное общество, Южное общество, «Конституция» Н. Муравьева, «Русская Правда» П. Пестеля, монархия, республика.

Национальный университет пищевых технологий, Киев, Украина

The article analyzes the program documents of the Northern and Southern Societies of Decembrists which were structurally organized forms of the protest movement in the Russian empire of the first quarter of the 19th century. The text of “Constitution” by Nikita Muravyov had been repeatedly discussed by the members of the Northern Society but in spite of this it was not approved as the program document of the society. As to Pavel Pestel’s “Russian Pravda”, it was officially accepted by the Southern Society as its program. It is noted in the article that both texts are close to each other first of all by their basic statements aimed at proving the necessity of serfdom abolition in the country and changing the form of political power. At the same time the program documents of the Northern and Southern Societies differ greatly in their formal (their volume, methods of argumentation, etc.) and substantial (goals declared and ways of their achievement, focus on concrete issues and problems, conclusions offered, etc.) characteristics. The author studies a wide range of social and philosophical ideas presented in the documents of the Decembrists, such as their understanding of society as an integral organism, the specificity of interpretation of the essence of a civil society and citizenship, the identification of the reasons for the emergence and existence of power and state, the analysis of the social and ethnic structures of Russian society and possible ways of their progressive transformation, the importance of freedom and social equality for the development of the country, the question of the status of religion and church in the society, etc. It is concluded that the ideas of N. Muravyov’s “Constitution” and P. Pestel’s “Russian Pravda” are still relevant.

Keywords: Decembrists, Northern Society, Southern Society, Nikita Muravyov’s “Constitution”, Pavel Pestel’s “Russian Pravda”, monarchy, republic.

Введение

О декабристах написано много. Львиная доля публикаций посвящена истории возникновения и функционирования тайных организаций в Российской империи в первой четверти XIX в. Пальма первенства здесь за историками. Детально и довольно тщательно проанализированы мятеж военных 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в С.-Петербурге и восстание Черниговского пехотного полка на Украине в конце декабря 1825 г. – начале января 1826 г. «Кто только не писал о событиях декабря 1825 года: маститые академики и начинающие писатели, журналисты и аспиранты. Каких только связей не выискивали: декабристы и революция, декабристы и литература, декабристы и музыка, декабристы и Толстой, декабристы и...» [5, с. 14]. Немало работ, в которых исследуются социально-политические, правовые и религиозные взгляды первых российских революционеров, их пребывание на каторге в Сибири и деятельность после окончания ссылки. Мир увидел много литературных сочинений декабристов, а также их биографий.

В то же время, незначительно представлены публикации о философских, этических, эстетических и естественнонаучных взглядах этих незаурядных личностей. Требуют отдельного и специального изучения психологический контекст декабристского движения, взаимосвязь в нем объективных условий и субъективного фактора, стихийности и организованности, феномены мировоззренческой последовательности и предательства, лидерства и пассивного соглашательства, стойкости перед ударами судьбы одних и стремления приспособиться к меняющимся условиям других. В социально-философском плане особый интерес представляют уставные и программные документы декабристских организаций, в первую очередь Северного и Южного обществ. В них много интересных идей, имеющих непосредственное или опосредованное отношение к этому разделу философского знания. В целом социально-философский срез движения декабристов исследован недостаточно и весьма поверхностно.

Северное и Южное общества существовали примерно в одно и то же время: с начала 1821 г. до конца 1825 г. При общности целей – отмена крепостного права и изменение формы политического правления в России – они во многом различаются: социальным составом, численностью, видением путей осуществления намеченных преобразований, предлагаемыми моделями будущей политической системы в стране и др. Содержательно разными, и это вполне естественно, являются и программные документы этих организаций – «Конституция» лидера Северного общества Н.М. Муравьева и «Русская Правда» лидера Южного общества П.И. Пестеля.

Содержательная направленность и структура первого текста определяются его названием – «Конституция». Соответственно, автор акцентировал внимание прежде всего на вопросах конституционного устройства будущего российского государства, принципах формирования и функционирования ветвей власти, особенностях осуществления внутренней и внешней политики. При этом время от времени он выходил за пределы собственно конституционной проблематики и обращался к темам, имеющим отношение к бытию общества в целом, а также его различных сторон и сфер (общественные законы, собственность, права и свободы людей, со-

циальное равенство, религия и церковь, межэтнические отношения и др.). «Конституция» Муравьева так и не стала официальным программным документом Северного общества, хотя неоднократно обсуждалась в нем и долгое время претендовала на этот статус. Современные исследователи располагают тремя редакциями ее текста. Они созданы в разные отрезки времени, различаются количеством страниц и поднимаемыми вопросами.

Принципиально иным является текст «Русской Правды». Он значительно больше по объему, чем муравьевская «Конституция». В сочинении рассматривается широкий спектр вопросов и проблем: территориальное устройство страны, социальный и национальный состав населения, экономика, собственность на землю, политика, право, религия и церковь, образование и воспитание (особенно в семье), структура государственных органов и механизм их функционирования. Много места уделено правам и свободам граждан, необходимости уничтожения крепостного права, идее социального равенства. Хотя из задуманного Пестель успел написать только половину, его труд поражает обилием интересных мыслей, оригинальностью высказанных предложений, убежденностью в необходимости кардинального изменения положения дел в стране. Существует две редакции «Русской Правды»: первая (ранняя) и вторая – переработанная и во многом измененная. Та часть первой редакции документа, которую автор критически переработал и в этом, обновленном, виде включил в текст второй редакции, была, как считают специалисты, уничтожена. Все оставшееся (в варианте первой редакции) свидетельствует о взглядах Пестеля на пути преобразования российской действительности в тот период, когда он трудился над первым вариантом своего сочинения. В отличие от «Конституции» Муравьева, «Русская Правда» была официальным программным документом Южного общества. Большинство «южан» соглашалось «в основном с ее положениями» [3, с. 46].

В силу вышеназванной специфики обоих текстов мера присутствия в них социально-философских идей разная. К тому же, нередко одни и те же идеи трактуются с противоположных позиций или имеют место особенности, тонкости их интерпретации. В философском плане указанные работы представляют интерес прежде всего потому, что в них довольно четко осмыслена важная философская проблема – «отношение “человек – мир”». Содержательным полем здесь выступает взаимосвязь человека, общества, государства. Доминантными сторонами являются государство и общество. В контексте их функционирования ведущим рассматривается государство.

«Конституция» Н. Муравьева

Философские воззрения Муравьева предстают собой синтез положений объективного идеализма, христианского вероучения и просветительских идей о справедливости, ценности человека, его свободе. Естественно, что мировоззренческая позиция автора в большей или меньшей мере нашла проявление и в «Конституции», над которой он трудился в течение нескольких лет.

Смысловым ядром данного текста являются *власть, устройство и функционирование государства*. Первая редакция работы начинается словами: «Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Само-

державная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка» [10, с. 253]. В условиях тогдашней Российской империи такая формулировка была равнозначна смертному приговору ее автору. Муравьев не просто провозгласил тезис, но и соответствующим образом его аргументировал. Он считал, что в условиях самодержавия «произвол одного человека» [10, с. 253] (царствующей особы) становится основанием функционирования власти, что «государь *самодержавный*... сам от себя, то есть без причины, по прихоти своей властвует» [11, с. 331], и это приводит к перекоосу, смещению в системе «права – обязанности»: одни люди располагают правами, на других же возложены обязанности. Неотъемлемой составляющей общества и государства в таких условиях является страх.

Согласно Муравьеву, сам факт существования самодержавия неразрывно связан с игнорированием властью требований объективной необходимости, важнейшим проявлением которой являются общественные законы. Поскольку самодержец ставит «себя выше законов» [10, с. 253], то его личная деятельность, равно как и деятельность всех властных структур, обеспечивающих функционирование такого государства, вступает в противоречие с логикой общественного развития, поэтому надеяться на успех в этом государстве и обществе не приходится.

Будущее России руководитель «северян» видел в форме конституционной монархии¹. Этим его позиция принципиально отличалась от позиции Пестеля, отстаивавшего принципы республиканского правления.

Хотя дефиниция термина «власть», как, впрочем, и остальных терминов, используемых в «Конституции», отсутствует, но оно подвергается в тексте содержательной интерпретации. Декабрист был убежден: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя» [10, с. 254]. Несомненно, такая постановка вопроса являлась в высшей степени прогрессивной.

В работе Муравьева рельефно представлена мысль о необходимости должной аргументации *норм права*. Автор подчеркивал, что в условиях самодержавия они защищают власть имущих. Необходимо же сделать так, чтобы означенные нормы непременно учитывали потребности и интересы всех граждан и были обязательными для исполнения каждым человеком, независимо от его социального статуса. Это будет способствовать утверждению справедливости в обществе.

Везде, где считал возможным и нужным, Муравьев специально оговаривал правовые аспекты функционирования органов власти, отношений между властью и гражданами, а также отношений между людьми. Он отстаивал принцип неприкосновенности личности, презумпцию невиновности, ратовал за обязательную обоснованность предъявляемых индивидам обвинений, предоставление им услуг адвокатов и др. Он ут-

---

¹ Сам термин «конституционная монархия» в «Конституции» Н. Муравьева не употребляется.

верждал, что при приведении законов в исполнение не должно быть никаких нарушений.

Функционирование власти объективно предполагает разграничение *прав и обязанностей* субъектов, ее осуществляющих, а также определение прав и обязанностей населения. Не случайно в первой и второй редакциях «Конституции» имеется глава «О состоянии, личных правах и обязанностях русских». Особое внимание Муравьев уделял ответственности граждан перед государством, их обязанности участвовать в выборах, готовности защищать страну от неприятеля. Он обращал внимание на то, что каждый индивид несет личную ответственность за долги, которые у него возникли. Декабрист писал: «Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства» [8, с. 271]; «никто не может оправдаться полученным приказанием... слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление» [8, с. 283]. В конституционном проекте довольно часто подчеркивается, что право быть избранным в орган любой власти имеет лишь тот гражданин, кто чист, «непорочен» перед законом. Указывается на ответственность судей за превышение своих полномочий, а также за недобросовестное выполнение обязанностей. Мера ответственности человека за свои поступки автор коррелировал с его социальным статусом. В связи с этим он отмечал: «Судья, уличенный в лихоимстве, подвергается гораздо большему наказанию, ежели тот, кто его подкупил» [9, с. 301].

Муравьев много рассуждал о взаимосвязи индивидуального, группового, общественного и государственного, отстаивая права людей на создание различных объединений при условии, что последние своей деятельностью не будут продуцировать конфликтные ситуации с государством и уже существующими социальными объединениями. В первой редакции «Конституции» присутствует положение о праве индивидов делать все, что не запрещено законом. Позиция Муравьева сводится к требованию необходимости законодательного закрепления и воплощения на практике принципов либерального индивидуализма. При этом сам индивид имеет у него в высшей степени абстрактный характер. Он «теряется» в массе населения, деятельности властных структур, приоритетах государства. Декабриста больше интересовал феномен типичного, устоявшегося, повторяющегося в жизни людей и социума. Такой подход во многом был обусловлен мировоззренческими установками автора и его социальным статусом: он являлся представителем крупной феодальной знати, был «крепко, органически спаян с земледельческим классом, дышал его интересами, воззрениями и привычками, близко соприкасался с либеральными и консервативными кругами правящего сословия» [2, с. 101]. И хотя Муравьев понимал необходимость изменений в обществе и государстве, но относился к ним с позиций умеренности, разумного компромисса, недопущения революционных методов борьбы.

В отличие от Пестеля, который в «Русской Правде» неоднократно писал о гражданском обществе, руководителя Северного общества больше интересовал феномен гражданства. И в первой, и во второй редакциях его конституционного проекта присутствует глава «О гражданах».

Гражданство Муравьев ассоциировал с правом людей непосредственно или опосредованно участвовать в общественном управлении. В первом случае речь шла о возможности быть избранным в органы законодательной, исполнительной или судебной власти, во втором – о праве участвовать в выборах. Сам факт наличия у индивида таких прав означал, что он является гражданином государства. Но чтобы их иметь (т.е. стать и быть гражданином), человек должен был соответствовать ряду требований, четко обозначенных в документе.

Декабрист хорошо понимал роль языка как одного из важнейших факторов гражданской идентификации и государственной консолидации. Поэтому отнюдь не случайно в «Конституции» присутствует статья: «Чрез 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи никто, не обучившийся Русской грамоте, не может быть признан Гражданином» [8, с. 268].

Руководитель Северного общества был крайне озабочен отсутствием в российском социуме и государстве подлинной свободы. Он утверждал, что русский народ более всех заслуживает и законности, и свободы. Муравьевская «Конституция» провозглашала: «Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» [10, с. 254]. Она декларировала свободу предпринимательства, вероисповедания, слова, книгопечатания, хотя одновременно вводила запрет на так называемые «вредные» книги.

Не мог обойти вниманием Муравьев и проблему социального равенства. Как и другие декабристы, он трактовал эту ценность прежде всего в ее правовом измерении: «Все Русские равны пред законом» [8, с. 269]; «все равны перед законом и обязаны нести одни и те же повинности» [8, с. 279]. Ярчайшим проявлением неравенства между людьми в то время было существование крепостного права, поэтому его уничтожение считалось первыми российскими революционерами приоритетной задачей. «Крепостное состояние и рабство отменяются, – утверждается в “Конституции”. – Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается» [8, с. 269]. Данным проектом основного закона также уничтожались ненавистные крестьянам военные поселения, отменялись гражданские чины, титулы именитых граждан, гильдии в купеческой среде, цеховое членение ремесленников, социальная структуризация людей согласно существовавшим в государстве 14 классам (сословиям). Вместо многочисленных обозначений принадлежности индивидов к конкретным социальным группам Муравьев предложил использовать термины «гражданин» или «русский». Провозглашаемые документом изменения имели крайне важное значение для преодоления социального неравенства в России, но отнюдь не обеспечивали реального, фактического равенства людей.

Некоторое отражение в законодательном проекте Муравьева, правда, в неразвернутом виде, получил и национальный вопрос. На страницах своей «Конституции» автор писал прежде всего о русских, и это следует подчеркнуть, как будто других народов в Российской империи не было вовсе. Муравьев, да и не он один, к сожалению, не различал (или не хотел этого делать) на сущностном уровне собственно русских и представи-

телей других национальностей, проживавших на территории страны. Он не рассматривал их как носителей иных – нерусских – культур. Если автор «Конституции» и обращал внимание на различия народов, этносов, то акцент делал лишь на характеристиках внешнего порядка. За явлением декабрист не видел сущность. «Русскими почитаются, – указывал он, – *все* (курсив мой. – В.Л.) коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия» [8, с. 269]. Кто именно принадлежит к коренным жителям России, из текста работы понять невозможно. В третьей главе первой и второй редакций проекта основного закона термины «гражданин» и «русский» используются как синонимы. Наверное, не случайно в литературе существует мнение, что «подавляющее большинство декабристов отдавало предпочтение (и это волне естественно. – В.Л.) реформам в социально-политической сфере, а не национальной» [1, с. 25].

Будучи религиозно верующим человеком, декабрист отмечал особую роль религии и священнослужителей в жизни общества и государства. Его основной закон провозглашал принцип веротерпимости: «Вера, совесть и мнения граждан, пока оные не обнаруживаются противозаконными действиями, не подлежат власти» [8, с. 279]; «Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего Богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности» [8, с. 271]. В первой редакции работы специально оговаривалось, что лица, относящиеся к духовенству, в том числе монахи, имеют гражданские права и что «церковные земли остаются навсегда за ними» [10, с. 256]. Во вторую редакцию эти формулировки не попали. Зато в ней присутствует такое утверждение: «Жалованье священнослужителям будет производиться и впредь» [8, с. 270].

В «Конституции» практически совсем не обозначено отношение государства к светским гуманитарным ценностям. Лишь один раз упоминается о науке и искусстве: Народное Вече «покровительствует Наукам и полезным Искусствам» [8, с. 278].

«Русская Правда» П. Пестеля

Философские взгляды лидера Южного общества по ряду положений близки позиции Муравьева, но имеют свою специфику. Они представляют собой результат соединения положений концепции естественных прав человека и установок объективного идеализма. Пестель утверждал, что «люди все рождены во благо» и что «они суть все творение всевышнего» [13, с. 158]. Для доказательства выводов о необходимости преобразования российской социальной действительности он обращался как к вышеназванной концепции, так и к аргументам религиозно-идеалистического плана. Довольно часто использовал он также положения, имеющие непосредственное отношение к морали и нравственности. «Великая цель проведения в России революции, разрушения сословного общества и отмены крепостного права» [4, с. 97] на годы определила смысл жизни Пестеля.

Согласно Пестелю, общество – это «всякое соединение нескольких человек для достижения какой-либо цели» [13, с. 113]. Хотя такое определение далеко от совершенства, он справедливо подчеркивал, что общество

помогает индивидам удовлетворять имеющиеся у них потребности («общие нужды»). Одновременно Пестель обращал внимание на непростое отношение между целями, которые люди ставят перед собой, и средствами, используемыми для их достижения. Даже будучи единомышленниками относительно целей, люди, как правило, расходятся во взглядах о пути продвижения к желаемому. Решить проблему, согласно автору, можно лишь путем компромисса: «...каждый... должен уступить часть своего мнения и собственных мыслей, дабы составить только *одно* мнение» [13, с. 113]. Позиция эта вполне разумна, но не всегда реализуема на практике. Обеспечить формирование «одного мнения» в высшей степени сложно. К тому же, как показывает жизнь, наличие такого мнения нередко не лучшим образом влияет на функционирование социума в целом, различных организаций и институтов, малых и больших групп людей, ибо продуцирует процессы стагнации, ведет к вытеснению многообразия, создает условия для распространения формализма и соглашательства.

Руководитель «южан» смотрел на общество как на целостный организм. Он указывал на горизонтальные и вертикальные связи и отношения, существующие в социуме. В своем единстве они создают крайне сложную мозаику общественной жизни, в которой задействовано громадное количество различных субъектов, отстаивающих разные, нередко противоположные интересы (индивидуальные, групповые, региональные и др.). И хотя четких критериев классификации этих отношений он не выделял, их основные виды анализировал.

Пестель хорошо понимал принципиально важную роль экономических отношений и особенно частной собственности (прежде всего, собственности на землю). Через всю «Русскую Правду» Пестель последовательно проводил мысль о необходимости передачи части имеющихся в России земель крестьянам в частную собственность, которую считал священной. «Частная земля... должна была находиться в свободном товарном обращении и служить “к доставлению изобилия”, т.е. способствовать развитию частной предпринимательской инициативы в сельскохозяйственном производстве» [6, с. 114].

Пестель пытался анализировать нормативную базу, регулирующую отношения между субъектами в обществе. Он выделил шесть родов правил, регламентирующих поведение людей в разных сферах жизни [12, с. 193]. При этом в большинстве случаев он не проводил четкого различия между правилами морального и правового характера. Отдельного рассмотрения в этом плане заслуживает последняя, пятая глава первой редакции «Русской Правды», имеющая название «О народе в гражданском отношении». Практически вся она посвящена кругу вопросов, которые традиционно имеют отношение к философии права.

В программном документе «южан» широко используется также термин «гражданское общество», хотя четкого определения автор ему не дал. Это понятие здесь имеет совершенно иное содержание, чем в работах философов XVIII – первой четверти XIX в. (Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье, И. Канта, Г. Гегеля и др.). По сути, Пестель сводил гражданское общество к народу (населению). Иными словами, гражданское общество – это народ. Он писал: «Народ есть совокупность всех тех людей, кото-

рые, принадлежа к одному и тому же государству, *составляют гражданское общество* (курсив мой. – В.Л.)» [13, с. 116]. Следовательно, государство и гражданское общество – не одно и то же. Это действительно так, но дальше мысль автор не развивал. Об особенностях, характеристиках гражданского общества, его роли в жизни людей и функционировании государства нет у него ни слова. Удивляться этому не стоит, ведь о данном феномене во время существования декабристского движения знаний было не так уж много даже в среде философствующих интеллигентов, не говоря уже об армейских офицерах, пусть и широко образованных. Здесь в рассуждениях автора больше чувствуется интуитивное понимание различия государства и гражданского общества, чем аргументированное обоснование своих мыслей. Насколько можно судить из текста, Пестель использовал данное понятие в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть, что общество в своем развитии прошло определенные этапы и соответствующим образом структурировано.

Весьма расплывчато объяснял декабрист и феномен государства, а также причины его возникновения. Он подчеркивал, что гражданские общества, «будучи устроены и в порядок приведены, получают название *государства*» [13, с. 114]. Сам факт существования государств Пестель во многом связывал с увеличением численности населения и невозможностью всем людям собираться вместе для решения стоящих перед ними вопросов. Он считал, что означенная причина одним из своих результатов имела уничтожение демократии. Главные составляющие государства, согласно Пестелю, – это правительство и народ. Налицо упрощенческий, недиалектический подход к трактовке данного органа управления.

Значительное число страниц «Русской Правды» посвящено тщательному исследованию социальной структуры российского общества. Этот вопрос представлял для декабриста как теоретический, так и практический интерес. Он считал глубоко несправедливым сословное членение социума и выступал за его уничтожение. В первую очередь он требовал отмены крепостного права для крестьян. Пестель обращал внимание на сложность социальной структуры в тогдашней России: «Много существует различных сословий, состояний или классов людей в России» [13, с. 150]. Правда, данные термины он использовал нестрого и совершенно не пытался дать им определение. В первой редакции «Русской Правды» были сформулированы три критерия, на основе которых структурировалось население страны: социальные сословия; распределение людей по отраслям хозяйства; место жительства. Небезосновательно он отмечал, что эти социальные группы «по большей части бывают... самым иногда странным образом перемешаны и перепутаны» [12, с. 177]. Если в первой редакции документа Пестель выделил всего четыре сословия (он называл их еще классами): духовенство, дворянство, среднее состояние и крестьян, то во второй редакции – уже двенадцать: духовенство, дворянство, купечество, мещанство, казенных крестьян, вольных земледельцев, военных поселян, солдатских детей, дворянских крестьян, дворовых людей, заводских крестьян, монастырских крестьян. Добрую половину данных сословий составляли люди, работавшие на земле. Сословия имели разный социальный статус, разные права и разные обязанности.

Как следствие, социальное неравенство носило тотальный характер. Декабристы же, и Пестель в том числе, добивались социального равенства для всех людей. Идея уничтожения в России социальных сословий и утверждения социального равенства для всех и каждого – одна из центральных в «Русской Правде»: «Учреждение сословий непременно должно быть уничтожено... все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским... все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны» [13, с. 153]. Эта идея глубоко гуманистична и прогрессивна.

В «Русской Правде» декларируется четкая позиция относительно статуса религии и церкви в обществе, а также отношения к разным видам религиозных верований. Пестель всецело был на стороне православия: эта вера должны быть *господствующей* в российском социуме. Но одновременно он проявлял религиозную толерантность. В частности, он считал, что в стране имеют право на функционирование и другие религии («законы духовные»), правда, при условии, что они не «непротивны... российским законам духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека» [12, с. 205]. Государство должно, по мысли Пестеля, активно поддерживать и защищать православную веру. Он обращал внимание на необходимость создания благоприятных условий для перехода в христианство представителей иных конфессий. При этом декабрист разделял мнение, что религиозная вера – это частное дело каждого индивида, поэтому никакого преследования за религиозные убеждения в России быть не должно. Интересна эволюция взглядов Пестеля на возможность существования в стране неправославного монашества. В первой редакции «Русской Правды» он демонстрировал если не одобрительное, то в целом толерантное отношение к данному явлению. Во второй же редакции мнение кардинально изменилось: неправославные монашеские ордена на российской территории необходимо запретить.

Декабрист однозначно заявлял о приоритете общественного перед личным («частным»). У него и благоденствие общественное провозглашалось важнее благоденствия личного, и государственное дело было стократ значимее всех индивидуальных дел, и реформы в стране в целом считались более необходимыми, чем реформы в какой-либо отдельной отрасли хозяйства. Такой подход не был случайным. Пестель принадлежал к числу людей, у которых были ярко, сильно и «полно выражены сверхличные, всенародные качества» [7, с. 390]. Он считал, что в ситуациях, когда нужно выбирать между личным и общественным, предпочтение обязательно следует отдавать общественному. Единственная область, в которой личное было выше общественного, – это сфера свободы. «*Личная свобода*, – писал Пестель, – есть первое и *важнейшее* право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия» [12, с. 199] (курсив мой. – В.П.).

Декабристское движение в целом и «Русская Правда», как один из его программных документов, были пронизаны идеей свободы. Для лидера Южного общества свобода – это возможность каждому индивиду

действовать не так, как он того хочет, а на основе имеющихся знаний и в соответствии с законом. Пестель был убежден, что живет в историческое время, дух которого устремлен к свободе, основанной на законах. К феномену свободы он обращался на многих страницах своего сочинения, рассматривал ее как одну из важнейших ценностей человеческого бытия. Он понимал, что без подлинной свободы жизнь индивида превращается в существование, а общество лишается могучего стимула собственного развития. «Лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать состоит в даровании *свободы*», – отмечал он [13, с. 160]. Именно свободы и была лишена львиная доля населения современной Пестелю России. Борьба за обретение простыми людьми свободы и свободное развитие российского социума стала смыслом жизни этого талантливого человека. Более или менее детально он писал о самых разных ее проявлениях – свободе личной, политической, экономической, свободе слова, вероисповедания, книгопечатания и др. Пестель подчеркивал, что индивид, удовлетворяя свои потребности и интересы, не должен вторгаться в зону свободы другого индивида.

В «Русской Правде» Пестель часто обращался к проблеме социального равенства. Он детально анализировал различные проявления антипода данной ценности человеческой жизни – неравенства – в разных сферах общества: экономике, политике, образовании, социальном бытии и др., указывал на необходимость таких преобразований в России, которые в конечном итоге создали бы соответствующие условия для утверждения равенства всех граждан перед законом. Пестель считал, что «законы сделаны для всех, и все им подвластными состоят. Никто свыше законов себя считать не может» [12, с. 202].

Значительный интерес Пестель проявил к национальному вопросу. Он предложил собственный, далеко не прогрессивный способ его решения в России: ратовал за отказ от этнического многообразия и переход различных этносов (он называл их «племенами») и народов в единую российскую народность. При этом Пестель, разделяя людей на группы, нередко необоснованно смешивал этнические признаки и такие характеристики, как место рождения и проживания. По этому поводу он писал: «Общая масса всех российских обитателей может на *три* (курсив мой. – В.Л.) главные разряда быть разделена. Первый разряд состоит из коренного народа русского. Второй из племен, к России присоединенных. Третий из иностранцев, в России живущих. Коренной народ русский есть племя славянское» [13, с. 136–137]. По мнению декабриста, «коренной народ русский» имеет пять «оттенков»: собственно россияне, малороссияне, украинцы, руснаки и белорусы. Специфику этих «оттенков» Пестель объяснял крайне поверхностно и неубедительно – территориями проживания данных этносов и групп (губерниями) и особыми правами, которые имеют соответствующие губернии, а также сложившимися в них формами управления. Иными словами, к сожалению, он не видел принципиальных различий между названными этносами и не знал, в каких сферах нужно искать этнообразующие признаки (критерии). Не потому ли в высшей мере свободно, не обременяя себя логической строгостью, он оперировал словами «племя», «народ», «народность», «нация», довольно часто используя их как сино-

нимы? Пестель наивно считал, что если после воплощения в жизнь принципов «Русской Правды» во всех губерниях России система управления будет одинакова и они получат равные права, то это существенно повлияет на процесс постепенной ликвидации этнического многообразия.

Не замечал декабрист и принципиальных различий в языках, которыми пользовались представители разных «оттенков» «коренного народа русского». Он необоснованно называл эти различия наречиями, утверждая, без всяких на то оснований, что важную роль в деле этнической унификации будет играть христианская, в первую очередь православная, вера. В результате Пестель пришел к выводу, с которым согласиться, естественно, нельзя: «Никакого *истинного различия* не существует между разрядами, коренной народ русский составляющими, и... малые оттенки замеченные должны быть слиты в одну общую форму. А посему и постановляется правилом, чтобы *всех жителей*, населяющих губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую, *истинными россиянами* почитать и от сих последних *никакими особыми названиями не отделять*» [13, с. 139] (курсив везде мой. – В.П.). Немаловажно и то, что руководитель Южного общества разделял позицию целесообразности обрусения некоренных народов России, а также постепенного введения, а при необходимости и насаждения, в их языковую культуру русского языка.

Один из параграфов второй редакции «Русской Правды» имеет название «Все племена должны слиты быть в один народ». Такая формулировка – закономерное следствие мировоззренческих установок автора работы относительно национальной политики в российском государстве после декабристского переворота. Пестель утверждал: «При всех мероприятиях временного верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только *один* народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства российского государства *все* были *Русские*» [13, с. 149]; «...всех нынешних российских подданных... надлежит... переименовать в российские граждане» [12, с. 181]. Для достижения этой цели Пестель предлагал использовать конкретные пути, не отличающиеся демократизмом: 1) сделать так, чтобы на территории всего российского государства господствовал один только русский язык – это, по его мнению, всячески будет способствовать «однородности» образа мыслей людей; 2) не допускать (запретить) использование существующих названий этносов и этнических групп – иными словами, сделать так, чтобы «все сии различные имена были *уничтожены* (курсив мой. – В.П.) и везде в *общее название* русских во едино слиты» [13, с. 149]; 3) использовать на территории всей страны одинаковые законы и «образ управления»: вследствие этого «вся Россия на целом своем пространстве» будет иметь «вид единородства, единообразия и единомыслия» [13, с. 149].

В программном документе Южного общества, хоть и немного, уделяется внимание вопросам образования и воспитания. Последовательно проводится мысль о том, что именно воспитание является тем фактором, который наиболее влияет на благоденствие государств и народов. По

мнению Пестеля, государство должно так организовывать работу учебных заведений, чтобы в них можно было получить не только приличное образование, но и надлежащее воспитание. Особо автора интересовал нравственный облик людей. Правда, здесь он не был оригинален. Как и в других сферах общественной жизни, ставку он делал прежде всего на государство, религию и церковь. Он справедливо подчеркивал, что политика не должна противоречить морали. По мнению декабриста, «нравы народные... зависят от веры и правительства. Законы веры христианской везде требуют одинаковых правил нравственности, и правительство одинаковостью законов политических, с верою согласных, будет вере способствовать, сие святое единообразие в правилах нравственных повсюду ввести к общему всех благоденствию» [13, с. 138]. «Распространение и усиление веры в истинно христианском духе наиболее может способствовать к смягчению суровых нравов и введению просвещения и образованности» [13, с. 146]. Согласно Пестелю, законы, принимаемые в государстве, всегда определенным образом влияют на воспитательный процесс («воспитывают народы»). Писал декабрист и о важности патриотического воспитания подрастающего поколения.

* * *

Таковы основные положения социально-философского характера двух важных документов декабристского движения. Можно с ними соглашаться или же их критиковать, но и спустя почти две сотни лет после поражения декабристов «Конституция» Н. Муравьева и «Русская Правда» П. Пестеля не могут не вызывать интерес у исследователей, а их авторы – уважение за свое стремление изменить мир к лучшему.

Литература

Исследования

1. *Болебрех А.* Декабристи в суспільній думці Російської імперії XIX ст. // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Т. 4 / Наук. ред. Г.Д. Казьмирчук. К.: Ін-т іст. України НАН України; Київ. нац. унів-т імені Тараса Шевченка, 2005. С. 20–27.
2. *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1: Революционное движение в России в XIX ст. М.: Наука, 1985. С. 5–304.
3. *Казьмирчук М.* П.І. Пестель: погляд соратників з Південного товариства // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали. Т. 3 / Наук. ред. Г.Д. Казьмирчук. К.: Ін-т іст. України НАН України; Київ. нац. унів-т імені Тараса Шевченка, 2003. С. 43–60.
4. *Киянская О.И.* Декабристы. М.: Молодая гвардия, 2017.
5. *Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В.* Белые пятна красного цвета. Декабристы. В 2 кн. Кн. 1: Новости прошлого. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001.
6. *Федоров В.А.* Декабристы и их время. М.: МГУ, 1992.
7. *Цетлин М.* Декабристы. Судьба одного поколения. Париж: Современные записки, 1933.

Источники

8. Конституция Никиты Муравьева (из бумаг И.И. Пущина) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1: Революционное движение в России в XIX ст. М.: Наука, 1985. С. 268–288.
9. Конституция Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1: Революционное движение в России в XIX ст. М.: Наука, 1985. С. 295–304.
10. Конституция Н. Муравьева (Текст, найденный в бумагах кн. С.П. Трубецкого) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Т. 1: Революционное движение в России в XIX ст. М.: Наука, 1985. С. 253–267.
11. *Муравьев Н.М.* Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 330–332.
12. *Пестель П.И.* Русская Правда. I редакция // Восстание декабристов. Документы. Т. 7: «Русская Правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1958. С. 169–212.
13. *Пестель П.И.* Русская Правда. II редакция // Восстание декабристов. Документы. Т. 7: «Русская Правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1958. С. 110–168.

Pavlov, Valery L. *Socio-philosophical ideas in the policy documents of Northern and Southern Societies of the Decembrists*

References

1. Bolebrukh, A. (2005), Dekabrysty v suspil'nyy dumtsi Rosiyskoyi imperiyi XIX st. [Decembrists in the public opinion of the Russian Empire of the 19th century], in: Kazmirchuk, G.D. (ed.), *Dekabrysty v Ukrayini: doslidzhennya j materialy* [Decembrists in Ukraine: research and documents], vol. 4, Ukrainian NAS Institute of History of Ukraine, Taras Shevchenko National University of Kiev, Kiev, pp. 20–27.
2. Druzhynin, N.M. (1985), Dekabrist Nikita Muravyov [Decembrist Nikita Muravyov], in: Druzhynin, N.M., *Izbrannyye trudy. T. 1: Revolyutsionnoye dvizhenie v Rossii v XIX st.* [Selected works. Vol. 1: The revolutionary movement in Russia in the 19th century], Nauka, Moscow, pp. 5–304.
3. Kazmirchuk, M. (2003), P.I. Pestel': poglyad soratnykiv z Pivdenного tovarystva [P.I. Pestel: the view of colleagues from the Southern Society], in: Kazmirchuk, G.D. (ed.), *Dekabrysti v Ukrayini: doslidzhennya j materialy* [Decembrists in Ukraine: research and documents], vol. 4, Ukrainian NAS Institute of History of Ukraine, Taras Shevchenko National University of Kiev, Kiev, pp. 43–60.
4. Kiyanskaya, O.I. (2017), *Dekabristy* [Decembrists], Molodaya gvardiya, Moscow.
5. Krutov, V.V., and Shvetsova-Krutova, L.V. (2001), *Belye pyatna krasnogo tsveta. Dekabristy. V 2 kn. Kn. 1: Novosti proshlogo* [White spots of red colour. Decembrists. In 2 books. Book 1: News of the past], TERRA–Knizhnyy klub, Moscow.
6. Fedorov, V.A. (1992), *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and their epoch], MSU, Moscow.
7. Tsetlin, M. (1933), *Dekabristy. Sud'ba odnogo pokoleniya* [Decembrists. The fate of one generation], Sovremennyye zapiski, Paris.